

«В гостях у страшной сказки, или Разговор с писателем»

! Предупреждение: в тексте эссе использованы фрагменты из книги мемуаров С.Кинга «Как писать книги» - СПб: АСТ, 2004 (они выделены курсивом).

Я люблю читать. Да, я люблю читать и совершенно этого не стесняюсь. Как там, в стишке- то:

Как умён я был! О да,
Как умён я был тогда!
Лишь потом пришли беда,
Горе, слабость и нужда...,
Но читаю без стыда...

Ну вот. Нравится мне Стивен Кинг. Как писатель, разумеется. И, разумеется, я слежу за его книгами. Недавно вот удалось прикупить свеженькую его работу. Роман, «Дьюма – Ки» называется. И связана у меня с этим романом одна занятная историйка. Её – то я вам и расскажу. Конечно, многие мне не поверят. Скажут: « Да ладно уж! Наплёл тут вагон с тележкой!». А я вам, ну то есть им, на это отвечу. Верят, а если не верят, то хотя бы интересуются люди всякой чушью: например, как жительница села Большие Бугры вошла в контакт с инопланетянами, или, как, привязав солёные огурцы к пяткам, вылечиться от простуды, или, как Ури Геллер силой мысли будет гнуть ложки на наших телевизорах. В моей же историйке ничего этого нет, так что будьте спокойны.

Купив « Дьюма – Ки» в книжном магазине, я совсем уж было засобирался домой и был как раз почти у нужной остановки, как вдруг у меня зазвонил телефон. Говорил мой друг Женька; говорил, что сегодня пятница, что он уже дома, что у него гости, что там весело, что давно не виделись, ну в общем, примерно через полчаса я, с книгой подмышкой, тоже входил число весёлых Женькиных гостей и тоже мог позвонить кому-нибудь и рассказать о своей простой радости, но из – за скромности делать этого не стал.

Признаюсь ещё вот в чём: выпить я тоже люблю. Не так сильно, конечно, как читать, но когда хорошие люди предлагают, редко отказываюсь, а уж когда сам предлагаю хорошим людям, то тут вроде отказываться и вовсе неприлично. Помню раз наш общий с Женькой спросил меня:

- А ты чё пиво не пьёшь?
- Не, я не хочу, не буду...
- Ты чё, больной?

Эта реплика меня взволновала. Во избежание подобных конфузов я решил впредь вести себя осмотрительнее и благороднее, то есть выпивать.

В тот вечер, у Женьки, про пиво меня, правда, никто не спрашивал. Его и не было. А когда есть водка и её много, подобные вопросы человеческий разум не допускает априори.

Удобно расположившись на кухне, где на рычавшем холодильнике «Зил» был приклеен плакат – календарь с героями сериала « Бригада», мы выпили за встречу и закусили. Потом выпили за хорошие выходные, потом за то, чтобы погода не испортилась,

потом за прекрасных дам. Через несколько «потом» закончилась закуска. Тогда мы выпили...и запили. Позже оказалось, что мы, как говорится, набубенились.

Среди всех прочих «потом» я встал и пошёл в зал, где оставил свою книгу.

- Ты куда? - услышал я вопрос.

- За «Дьюма – Ки»...

- Какие ещё Димаки? Димка с подружкой уже на такси уехали...

- Да за книгой, а – то забуду. Я тоже до дома скоро...

Плавной походкой, с книгой в руке, вернулся я на кухню и засобирился домой. Присел за стол (на дорожку), книгу положил слева от себя. Сзади, на обложке, была фотография автора. Я нагнулся, чтобы её получше разглядеть. Сильно зажмурился, решив проморгаться, чтобы прояснить взор. Но глаза почему-то не открылись. Меня поглотила тёплая и немного душная чернота...

Какое – то время спустя глаза всё – таки открылись, но в них по прежнему стояла влажная муть, будто я открыл их под водой. Несмотря на эту досадную мелочь, мне удалось разглядеть перед собой большой тёмный стол и силуэт человека, сидящего напротив. Поначалу меня удивили его слишком большие глаза, спокойно и выжидающе смотревшие на меня. Но, пристальнее взглядевшись, я понял, что это не глаза большие, это большие очки, что это не просто стол – это письменный стол, и, что человек в очках, сидящий напротив: с топорщащимися волосами, с широкими скулами, с прямым, будто вырубленным, носом, в спортивном свитере «Янки Ред Сокс» в конце концов – не кто иной, как Стивен Кинг. Думаю, мои глаза в тот момент по размеру ничуть не уступали его, увеличенным очками.

-...Э...э... здарсьте! Я из заснеженной России, хотя нет не так, я просто из России. Меня зовут...(называю своё имя)

- Ну слава Богу, вы заговорили. Привет! Я – Стивен Кинг. Просто у вас был такой странный вид, будто вы задумались или вот-вот потеряете сознание. А мне Таби сказала, там, мол, русский турист по рекомендации писателя Дмитрия Глуховского пришёл небольшую беседу провести и книгу подписать очень просит. Вы вошли, только почему – то без книги, сели в кресло и..., ну дальше вы сами поняли... Так, хорошо, давайте поговорим с вами о писательстве, о творчестве, ведь вы об этом, как я понял, хотите побеседовать?

Я как будто что-то вспомнил и без запинок произнёс: « Да, конечно, мистер Кинг, задам вам несколько вопросов, от себя кое – чего добавлю в плане, так сказать, поддержания разговора и..., ну в общем, буду очень рад!». И я продолжил...

- Начнём вот с чего. Вы пишете уже довольно давно. Всегда хотел узнать, как это у вас ужасно, ну в смысле – страшно получается? Что важно для вас при выборе сюжета будущей книги?

- О'кей, отвечу по порядку. *Я родился в 1947г. и у нас телевизора не было аж до 58 – го. Первая передача, которую я помню, это был « Робот – монстр » - фильм, где мужик, одетый в костюм обезьяны с аквариумом на голове – мотался по свету, стараясь убить последних выживших в ядерной войне. Для меня это было искусство самой высокой пробы. А в конце 50 – х гг. Форрест Дж. Аккерман, литературный агент и сумасшедший собиратель всяческой научной фантастики, изменил жизнь тысяч ребятшек, - когда стал выпускать журнал « Знаменитые монстры Фильмландии ». Целый мир увлекательных приключений и я полюбил этот мир. Первый рассказ, который я напечатал, появился в журнале фантастики и ужасов Майка Гаррета, в Бирмингеме, штат Алабама. Эту новеллу он напечатал под заглавием « В полумире ужаса », но моё мне всё равно нравится больше. Знаете какое? « Я – малолетний грабитель могил! ». Вот так я очутился на стезе писательства.*

Теперь «о выборе сюжета». *Я считаю: продумывание сюжета и спонтанность истинного творчества несовместимы. Чтобы вы поняли: моё глубокое убеждение – вещи не пишут, они сами пишутся. Работа писателя состоит в том, чтобы дать им место, где расти, и записать конечно. Когда я в интервью «Нью-Йоркеру» поделился с одним журналистом, Марком Сингером, своим мнением, что литературные произведения - это*

находки, вроде окаменелостей в земле, он ответил, что не верит. Я тогда сказал – и отлично, лишь бы он верил, что я в это верю. И я верю. Это реликты, остатки неоткрытого, ранее существовавшего мира. В итоге я больше полагаюсь на интуицию, и могу это делать, поскольку в основе моих книг лежит не событие, а ситуация.

- Ситуация, понятно, но ведь она возникает по какой – то причине. На эту тему прочту вам одно стихотворение нашего русского поэта Владимира Высоцкого. Он...как бы вам объяснить..., ну, вроде вашего Элвиса Пресли, тоже крутой такой, с гитарой, только одет не так ярко. И тоже поёт, поёт... бард – рок, это как ваше ковбойское кантри, только лиричнее. Ну вот...(звучит стихотворение «Посещение Музы»)... А что лично вы, мистер Кинг, думаете о мифическом явлении музыки?

- Интересно, интересно! Я думаю, что да, есть на свете муз (Традиционно музы были женицами, но мне попался мужик. Боюсь, что с этим нам придётся смириться), но он не влетает бабочкой в вашу комнату и не посыпает вашу машинку или компьютер волшебным порошком творчества. Он живёт в земле – в подвалах. Приходится к нему спускаться, а когда доберёшься обставляешь ему комнату, чтобы ему было где жить. То есть вы делаете всю чёрную работу, а этот муз сидит, курит сигары, рассматривает коллекцию призов за боулинг и вас в упор не видит. И вы думаете, это честно? Я лично думаю, что да. И это правильно, что вы будете делать всю работу и палить весь полночный керосин, потому что у этого хмыря с сигарой и с крылышками есть волшебный мешок, а там найдётся такое, что переменит всю вашу жизнь. Поверьте мне, я это знаю.

- Вы можете сказать, что повлияло на ваш авторский стивенкинговский стиль?

- Прежде всего, чтение. Ведь мы читаем ещё и для знакомства с различными стилями. Когда я в детстве прочёл Рэй Брэдбери, я писал как Рэй Брэдбери – всё зелёное, чудесное и видится сквозь очки, смазанные ностальгией. Когда я прочёл Джеймса М. Кейна, всё, что я писал, было резко, голо и сварено вкрутую. Когда я прочёл Лавкрафта, проза у меня стала роскошной и византийской. В свои юношеские годы я писал, смешивая все эти стили, создавая этакое весёлое варево. Такое смешение стилей – необходимый этап выработки стиля собственного, но оно происходит не в вакууме. Нужно читать побольше, постоянно при этом оттачивая и перетачивая собственные работы.

- Вы здорово умеете придавать реализм вашим нереальным страшносказочным историям, как вам это удаётся?

- Для меня не последнее место в творчестве занимает такое понятие как «честность». В беллетристике именно она считается ключом к написанию хорошего диалога. Конечно, если вы честны в словах, которые сходят с уст ваших персонажей, вы увидите, что подставляетесь под приличный поток критики. Однако согласитесь, быть честным куда важнее.

- В какой обстановке вы любите писать?

- Ну, если вы осмотрите повнимательнее этот кабинет, вам, думаю, станет ясно. Однако к вашим визуальным впечатлениям я добавлю ещё следующие вещи: обязательно должна быть (и она за вашей спиной) – дверь, которую можно закрыть. Закрытая дверь – это способ сказать всему миру, что шутки кончились, и вы серьёзно намерены заниматься делом; ещё я пишу под громкую музыку – хард – рок (а у вас, значит, бард – рок есть...мм..да!), типа AC \DC, Guns 'n' Roses и Metalliki, но эта музыка для меня просто ещё один способ закрыть дверь. Она окружает меня, отделяет от мира обыденности.

- Часто в предисловиях к вашим книгам вы надписываете посвящения тем или иным людям. Долго выбираете адресат?

- Кто-то – хоть убей, не могу вспомнить кто – когда-то написал, что все романы – это письма, написанные для одного человека. В общем, я этому верю. Я думаю, что у каждого романиста есть идеальный читатель, и в различные моменты работы над сюжетом автор думает: «Интересно, что он скажет, когда прочтает вот это?», - жена Табита. А посвящения – это своего рода благодарности, ну не благодарить же всё время одного и того же человека, считаю, что их должно быть много и они должны быть разными.

- Так что же такое, по-вашему, писательство, творчество, Стивен?

- Конечно это телепатия. *Забавно, если подумать: годы и годы люди ломали головы, гадая, есть она или нет (деятели вроде Райана чуть не свихнулись, придумывая надёжный процесс тестирования, чтобы её обнаружить), а она всё это время была тут, как «Пропавшее письмо» мистера Эдгара По. Любое искусство в некоторой степени строится на телепатии, но я считаю, что самая чистая её фракция выделяется из писательства.*

- Вижу вы немного устали говорить. Тогда позвольте, я прочту вам ещё одно стихотворение. Его написал Александр Башлачёв. Он уж точно был похож на Элвиса – короля рок – н – ролла. Да. Только это был скорее «голый король». У Элвиса была гитара, был клёвый костюм, были очки, была крутая тачка, была капризная популярность. У Саши из всего перечисленного была только гитара, но в них обоих есть поэзия и у каждого своя гитара, что делает их чуть-чуть похожими. Так вот, а стих Башлачёва как раз на тему творчества написан, о поэтах. Да, вспомнил! Потом вы мне ещё книгу, «Дьюма – Ки», подпишите, и я пойду, а то и так уже отнял у вас время, О'кей?

- Да, конечно, я согласен...

(Звучит стихотворение «Поэтам»)

- ...Хорошая, трагическая и очень внятная вещь. Ну что ж, давайте вашу книгу, с удовольствием подпишу...Только здесь её нет, видимо вы оставили её в прихожей...Ладно, ничего, я подожду. Идите, привет Дмитрию Глуховскому и аккуратнее не споткнитесь, там прямо перед дверью порожек. Пока!

Как часто бывает в таких случаях лучше не знать о чём тебя предупреждают. Я состорожничал, запнулся обо что-то, начал падать. И зажмурился...

Звон разбитого стекла и лёгкая боль в плече. Я поднялся с пола. Так: стул, стол, на котором сквозь ворох посуды видится несовершенство мира – если бутерброд, то неслабо кем – то надкушенный, если минералка, так только лишь пустая баклажка из – под неё, стопка водки с утопленным в ней окурком, заваренный чайный пакетик «Лисма», нож, лежащий на хлебных крошках, чей – то мобильный телефон на самом краю стола. А слева – книга, ну да, так и есть – книга, лежит себе лицом вниз. Я взял её со стола, не испачкалась, это хорошо. Ух, голова трещит! Вот и всё. Пойду попрощаюсь с Женькой и поеду домой.

Такая историйка.